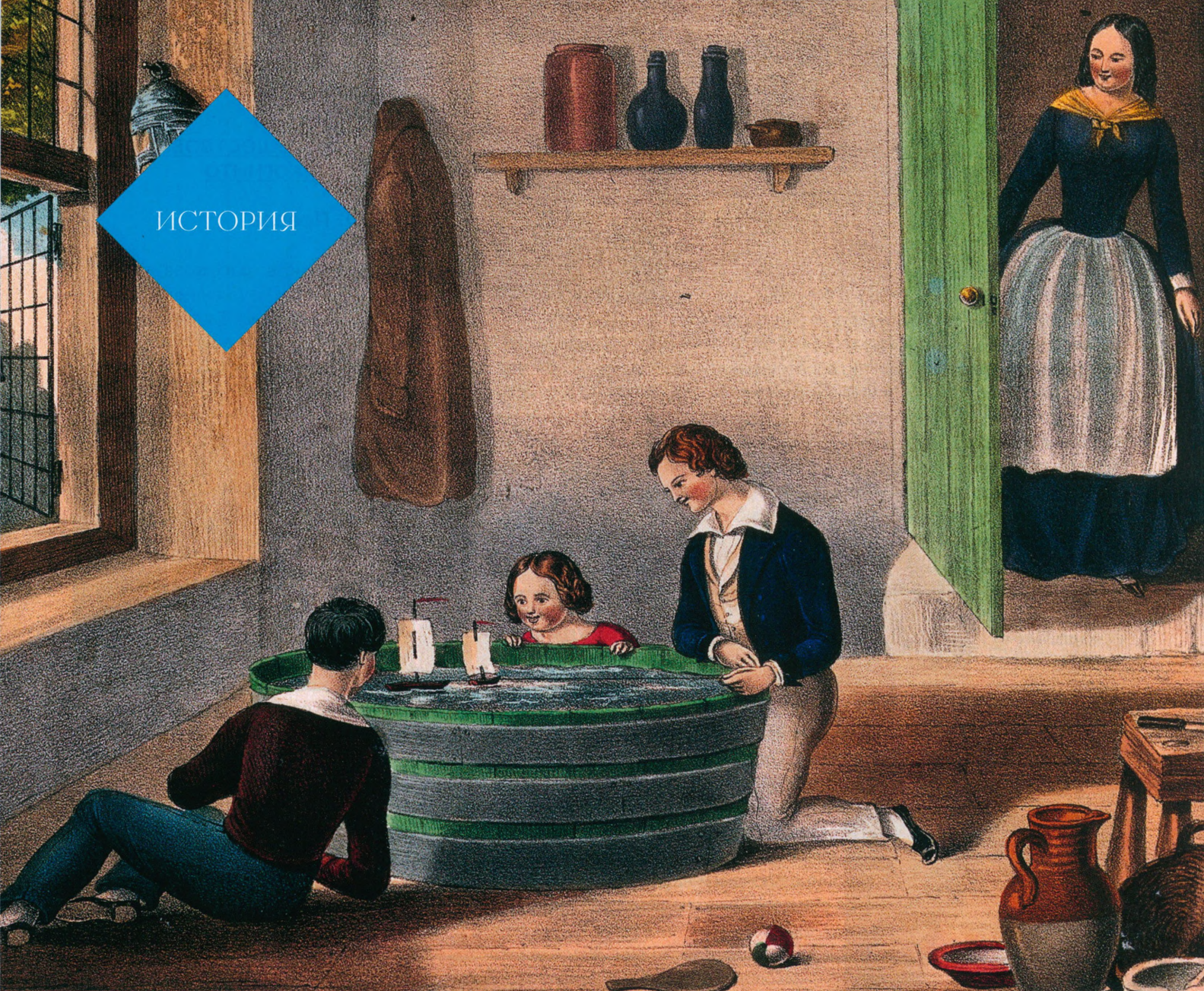

ИСТОРИЯ

КАК ДЕШИ, ЧЕСТНОЕ СЛОВО

Когда появились игрушки, детская литература и стандартные школы, детская одежда – и детство вообще (и как люди обходились без всего этого)?

ТЕКСТ: *Наталья Овчинникова*

Опровергнутые теории

Длинное детство людей – это одновременно и слабость, и дар природы, эволюционное преимущество. Оно нужно для эффективного развития большого и сложного человеческого мозга. В том числе потому, что значительную часть времени он растет вместе со всем организмом за пределами материнской утробы, иначе людям с их прямохождением практически невозможно было бы рожать и рождаться. Однако в суровых условиях каменного века выносить дитя, произвести на свет, а потом растить его несколько лет, пока оно не станет относительно самостоятельным, было очень непростой задачей.

Младенческая смертность была огромной; в принципе, эффективно снижать ее человечество научилось всего пару столетий назад. Из-за этого распространена точка зрения, что в древности люди в целом относились к своим маленьким детям прохладнее, нежели современные родители. Малыши часто рождались и часто умирали, первые годы ребенок как бы пребывал между жизнью и смертью, и к нему старались не привязываться. Однако ученые находят примеры из разных эпох, свидетельствующие об искренней любви родителей к детям, самоотверженной заботе о них и скорби в случае их утраты.

В Израиле в пещере Кафзех обнаружено, возможно, древнейшее парное погребение представителей вида *Homo sapiens*: около 90–100 тысяч лет назад кто-то бережно похоронил молодого взрослого (по поводу пола продолжаются дискуссии) вместе с маленьким ребенком, уложив тела в прямоугольной яме перпендикулярно. Там же найдены останки подростка с инвалидностью, который просто не смог бы существовать без постоянной помощи других людей. В раннем детстве он получил тяжелое увечье, травму черепа с повреждением мозга, но дожил до 12–13 лет. В палеолите жизнь даже здорового человека была борьбой, но соплеменники заботились о ребенке-инвалиде, а когда он умер, похоронили его, положив на грудь олений череп и ритуально посыпав охрой.

И в каменном веке детство не обходилось без игрушек. Правда, в случае столь древних находок почти невозможно точно определить, какие использовались в ребяческих забавах, а какие, например, были культовыми предметами. Уменьшенные версии ручных рубил и копий, обнаруженные на некоторых археологических памятниках, возможно, предназначались для детей, например, для обучения их в игровой форме. В Чехии на стоянках в Пршедмости, Павлове и Долни-Вестонице возрастом более 30 000 лет найдены глиняные фигурки людей и животных с отпечатками детских пальцев и вылепленные менее умело, чем артефакты, изготовленные взрослыми. Их создатели то ли изучали ремесло, то ли сами делали себе игрушки. По мнению археолога, профессо-

ра Университета Виктории Эйприл Ноуэлл, с большой вероятностью детской игрушкой можно считать тауматроп из пещеры Ложери-Бас во Франции – косяной диск с изображениями серны на обеих сторонах, различающимися положением ног. Если в отверстие посередине продеть веревки и раскрутить этот диск, серна «поскачет». Артефакту от 11000 до 18000 лет – так что, возможно, уже в те времена мальчики и девочки смотрели своеобразные «мультфильмы».

Возрастная шкала

Античный мир подарил европейской цивилизации привычку делить человеческую жизнь на универсальные этапы. По мнению разных греческих и римских мудрецов, таких периодов, обычно равных по длительности, было от трех-четырех до десяти. Солон, древнегреческий мыслитель и законодатель, живший в VII–VI веках до н. э., делил людской век на 10 стадий по семь лет каждая, первые две «седмицы» – детство и отрочество. Римский писатель Варрон – на пять, а детство и отрочество объединял в период с рождения до 14 лет.

Появление ребенка на свет как в Греции, так и в Риме сопровождалось разнообразными обрядами. Сразу после рождения отец должен был ритуально признать младенца как члена семьи, в противном случае судьба ребенка могла быть самой печальной. В следующие несколько дней после признания греческого новорожденного обносили вокруг семейного очага и вручали ему первые игрушки, а затем зажиточная семья устраивала пир в честь наречения имени. Примерно до семи лет девочки и мальчики воспитывались на женской половине и играли вместе. Для забав у них, судя по изобразительным и археологическим источникам, чего только не было: волчки, мячи,

Тауматроп
каменного
века из пещеры
Ложери-Бас –
возможно, образец
древнейшей
анимации

йо-йо, погремушки, фигурки животных на колесах и терракотовые, деревянные или костяные куклы с подвижными конечностями на шарнирах. Для девочек игрушки были важным элементом ритуала перехода из детства во взрослую жизнь: в 14–15 лет, собираясь замуж, юные гречанки жертвовали их богам. Мальчика же с семи лет забирали в мир мужских занятий: он получал образование, посещая школу или занимаясь частным образом, а его детство заканчивалось лет в 16–18, когда он вливался в жизнь полиса как полноправный гражданин.

В Риме, если мальчик рождался в семье свободных граждан, ему дарили буллу — амулет, обозначающий

toga virilis. Девочки тоже могли носить toga praetexta по торжественным случаям, пока не войдут в возраст невесты, наступавший, как считалось, с 12 лет.

Как Европа научилась умиляться детям

В раннее Средневековье о детях и детстве западная цивилизация как будто забыла. По крайней мере, если верить изобразительным источникам: ребенок старше младенца в пеленках показан как часть взрослого мира с его занятиями и сам выглядит как взрослый, только меньшего размера, не отличаюсь ни пропорциями, ни одеждой. Французский ме-

поворот в восприятии детства обозначился примерно с XII века

этот статус. Другим символом этого статуса была детская тога, toga praetexta, белая с пурпурной полосой по краю, — формальная одежда, которую носили поверх туники. По достижении 14–17 лет в праздник Либералий мальчики совершали ритуал вступления во взрослую жизнь: снимали претексту и буллу, посвящая их домашним божествам — ларам, и переодевались в чисто белую тогу римского гражданина,

диевист Филипп Арьес, автор основополагающих трудов по истории семьи, отмечал, что в Средневековье детство не рассматривалось как самоценный период жизни, со своими важными особенностями и потребностями. Это не значит, что его границы не пытались обозначить: носители книжной культуры помнили об античных представлениях о возрастах человека, а юристы рассуждали, со скольких лет начинается полная судебная ответственность. Однако период детства не считался чем-то достойным внимания и особого отношения. Едва ребенок выходил из младенческого возраста, как он, одетый так же, как его родители, включался во взрослую жизнь и ее занятия. Лет с семи детей отдавали «в люди»: мальчики из знатных семей становились пажами в домах представителей того же сословия; ремесленники отправляли сыновей к другим мастерам в ученики; будущие клирики учились грамоте при монастырях и в приходских школах. Крестьянских детей привлекали к сельскохозяйственным работам. Де-

Древнеримские игрушки, шарнирная кукла из слоновой кости и терракотовая лошадка, были найдены в детских могилах II–III вв. н. э.

Миниатюра из «Жития и чудес святого Людовика» Гийома де Сен-Патю. Ок. 1340 г.

«Христос благословляет детей».
Лукас Кранах-младший и мастерская.
Ок. 1545–1550 гг.

вочки же всех сословий осваивали домоводство и разные виды рукоделия, готовясь к замужеству: брачный возраст для женщин начинался лет с 12.

Поворот в восприятии детства, прежде всего младенчества, обозначился примерно с XII века, когда по Европе широко распространился культ Богоматери. «Мария была объектом почитания с раннего Средневековья, в том числе и в Каролингскую эпоху, но только в XI веке почитание Святой Девы занимает центральное место среди верований и религиозных практик христианского Запада. [...] Святая Дева – важнейшая участница Воплощения Христа, и она начинает играть все более существенную роль в отношениях между людьми и Христом», – писал медиевист Жак Ле Гофф. «По общему мнению, расцвет культа Девы Марии совпал с превращением брака в таинство, с повышением статуса ребенка и собственно супружеских отношений, прообраз которых стал задаваться рождественскими сюжетами, и поэтому, на мой взгляд, именно Святой Деве женщины обязаны заметным облегчением своей земной участи», – добавлял историк.

В религиозном искусстве начали множиться изображения Мадонны с младенцем, и маленький Иисус на них становился все более похожим на реального ребенка пропорциями и жестами. Рос интерес к сюжетам, связанным с рождением и воспитанием Христа и самой Девы Марии. В эпоху Возрождения Иисусу на картинах составляют компанию и другие дети – Иоанн Креститель и ангелы, которых стали изображать не только в виде юношей, но и в виде пухлых путти. В живописи Ренессанса сквозит умиление младенцами и на картинах на мифологические темы.

Наконец, на исходе Средних веков появляются и входят в моду жанровые картины, изображающие реальных детей с их играми и забавами. В рассуждениях богословов и светских авторов XIV–XV столетий все настойчивее звучит идея, что взрослые обязаны не просто обучить детей своим навыкам, но позаботиться о нравственном воспитании их нежных и незрелых душ. В христианской доктрине, отмечал медиевист Юрий Бессмертный, «усиливается акцент на ответственности самой церкви, общества в целом и особенно родителей ребенка за его земную судьбу». В следующие столетия эта тенденция запустит значительные изменения в области образования, и в жизни человека обозначится особый период, который Филипп Арьес назвал «долгим детством».

Классные превращения

Понимание границ школьного возраста формируется на протяжении XVII столетия. Средневековая Европа пришла к тому, что образование нужно не только представителям духовного сословия. Однако способы получить хотя бы базовые знания; возраст, в каком человек проходит ту или иную ступень обучения; условия и критерии оставались очень разнообразными, а весь процесс хаотичным. Можно было несколько лет прошататься школяром по университетским городам, но толком не выучиться чтению и письму, а можно – найти хорошего преподавателя и за пару месяцев преуспеть в латыни. В раннее Новое время в городах множатся школы, а моралисты все чаще рассуждают, что семья и общество должны дать ребенку достойное воспитание. «Устанавливается мнение, – писал Арьес, – что ребенок не готов к взрослой жизни, еще не созрел для нее, и ему надо пройти через специальную образовательную программу, прежде чем присоединиться к взрослым. Эта новая забота об образовании детей понемногу овладеет умами и произведет революцию в обществе». Школы посещали и принцы, и дети ремес-

«Учитель».
Гравюра Абрахама
Босса. Ок. 1638 г.

Портрет Яна Амоса
Коменского. XVII в.

ленников. Если поначалу каждый ученик осваивал программу в своем темпе, а группы могли быть очень разновозрастными, то постепенно школьная система регламентируется, распорядок и дисциплина начинают играть все более важную роль.

В XVI веке преподаватель классических языков Иоганнес Штурм одним из первых ввел в обиход классно-урочную систему, которую переняли иезуитские колледжи, а в следующем столетии чешский гуманист Ян Амос Коменский дал ей развернутое теоретическое обоснование. Классы становятся более однородными по составу, а взрослые следят за дисциплиной в них и в интернатах, где живут многие учащиеся; от родителей тех, кто посещает школу из дома, ждут такой же заботы о воспитании. Несколько

лет жизни ребенок теперь проводит в обособленной среде сверстников, со своими законами и распорядком. «Долгое детство» наконец-то получает признание взрослого мира как важный период со своими особыми нуждами. Но дети заплатили за это свободой: они все чаще попадают в школьную систему с ее суровой дисциплиной.

Все эти нововведения снова касались почти исключительно мальчиков; для подавляющего большинства девочек средневековый подход с ранним включением во взрослую жизнь не изменился. Некоторые родители считали необходимым давать образование и дочерям, но это не было распространенным обычаем, а школы для девочек, известные как минимум с XVI века, — и вовсе были редкостью. Знаменитым стало начинание маркизы Франсуазы де Ментенон — Королевский дом Святого Людовика в Сен-Сире. Эта закрытая школа для девочек из бедных дворянских семей была основана в 1686 году. Мадам де Ментенон хорошо понимала, как женщинам может пригодиться образование. В прошлом невеста-бесприданница, а затем воспитательница детей Людовика XIV от фаворитки, она по себе знала, как девушке даже благородного происхождения порой трудно пробиться в жизни. Сама же Франсуаза, внучка одного известного поэта и вдова другого, была приятной и эрудированной собеседницей и потому смогла увлечь короля и стать его женой, пусть и мorganaticкой, то есть из-за неравного происхождения лишенной высокого положения супруга. По образцу

Франсуаза д'Обинье, маркиза де Ментенон.
Гравюра Франсуа-Серафина Дельпеша. XIX в.

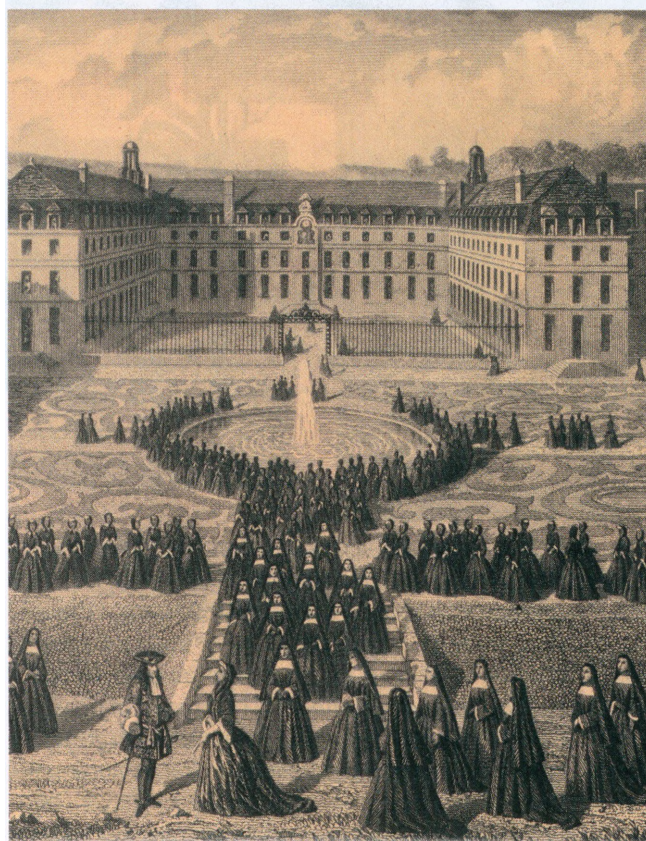
«Визит Людовика XIV и мадам де Ментенон
в школу в Сен-Сире». Гравюра ок. 1690 г.

ее школы впоследствии были организованы другие женские учебные заведения, в том числе Смольный институт благородных девиц в Санкт-Петербурге.

Книжная революция

О том, что литература для детей должна учитывать их возрастные особенности, также задумались в XVII веке. В Средневековье и раннее Новое время были популярны дидактические сочинения, авторы которых учили молодое поколение благочестию или тому, как вести себя в обществе. Эти труды были адресованы, как правило, одновременно и малым детям, и молодым людям. Произведения развлекательных жанров – сборники рассказов о чудесах, басни, притчи и т. д. – предназначались читателям и слушателям всех возрастов. Те же сказки еще в конце XVII века не считались специфически детской литературой. В то же время философ Джон Локк, известный влиятельной педагогической концепцией, что разум ребенка с рождения – это *tabula rasa*, «чистая доска», и за то, чем она будет заполнена, отвечают взрослые, рассуждал о пользе обучения детей чтению в приятной, игровой форме. И первые тексты в жизни малыша, по его мнению, не должны быть трудными для восприятия: «Дайте ему в руки какую-нибудь легкую и занимательную книгу, доступную его пониманию, содержание которой могло бы увлечь его и вознаградить за труд, потраченный на чтение». Из известных произведений Локк рекомендовал басни Эзопа, добавляя: «Если его Эзоп снабжен картинками, он еще более его заинтересует и поощрит к чтению, расширяя вместе с тем его знания».

Старший современник Локка, уже упоминавшийся выше гуманист Ян Коменский, создал такую детскую книжку с картинками, одну из первых в своем роде, сам. Она называлась *Orbis pictus*, или «Наблюдаемый мир в картинках». В сущности, это был учебник по устройству окружающего мира, легко написанный и пестревший многочисленными иллюстрациями. «Ведь известно, – отмечал Коменский, – что дети

В XVI веке в школах Европы появилась классно-урочная система

(почти с самого младенчества) любят рисунки и охотно рассматривают их. А изгнать из садов мудрости все, что пугает, есть дело в высшей степени полезное». Книгу, изначально изданную на двух языках, немецком и латыни, перевели на многие европейские языки. Однако только с середины XVIII столетия появляется первая по-настоящему развлекательная детская литература и начинают складываться разные ее жанры. Так, в 1744 году английский издатель Джон Ньюбери опубликовал «Маленькую миленькую карманную книжицу», богато иллюстрированную, забавно написанную, с рифмованными описаниями игр, азбукой и даже письмом к ребенку от сказочного персонажа; она стала предтечей викторианских книжечек-игрушек. Тогда же его соотечественница Мэри Купер издала «Песенник Томми Мальчика-с-пальчик», первый напечатанный сборник детских песенок на английском языке.

Иллюстрация Джона Тенниела к сказке Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес». Первое издание произведения вышло в 1865 году с гравюрами того же художника, но они еще были черно-белыми

Иллюстрация Генри Эммерсона из сборника
«Майский Цветок, или Принцесса и ее народ». 1881 г.

Эволюция детской одежды

Если средневековая одежда маленьких европейцев, переросших пеленки, в целом повторяла костюм их родителей, то с XVI века она начинает разительно отличаться от взрослой – но только в случае мальчиков в возрасте до 4–7 лет, когда они еще растут на женской половине, отпрысков дворян или буржуа. Их наряжали в платица, напоминавшие девичьи; эта мода продолжалась до начала XX столетия (8). Когда этот ранний период детства заканчивался, мальчик получал штаны и прочие элементы костюма, соответствовавшие одежде взрослого мужчины (1), (9). Американский социальный историк Карин Калверт усматривает в этом обычае символический смысл: маленький, еще беспомощный ребенок любого пола считался принадлежащим к той части семьи, которая, в представлениях традиционного общества, зависит от ее главы и других родственников-мужчин и носит менее удобную для активной деятельности, чем штаны, одежду. В случае девочек, их с самого нежного возраста еще долго одевали наподобие взрослых дам (6).

Во конце XVIII века детская мода реагировала на призывы мыслителей эпохи Просвещения дать ребенку больше свободы движений. Мальчиков 3–9 лет стали одевать в «костюм-скелет» (4), названный так за то, что повторяет очертания тела. Дальний предок современных детских комбинезонов, он состоял из жакета и пристегивающихся к нему длинных штанов более свободного кроя, чем короткие узкие кюлоты, какие носили юноши и мужчины. Шили его из хлопка или льна, которые было удобно стирать. Таким образом, «костюм-скелет» не копировал ни мужской наряд дворянина или буржуа, ни женский. Девочки до 10 лет носили муслиновые платья (7) более свободного и простого кроя, чем одежда их матерей и старших сестер. И только три десятка лет спустя уже мода взрослых становится похожей на эти новые детские одеяния. А в XIX веке появляется новая вариация костюма для детей 3–7 лет: укороченные платья в сочетании с длинными панталонами (2), (3). В моде тогда были одинаковые простые прически для детей обоего пола, и мальчики и девочки раннего возраста снова стали выглядеть одинаково. По мнению Калверт, такой образ бесполого ребенка-ангела стал популярным под влиянием романтизма с его идеализацией младенческой невинности. Одежда детей старшего возраста оставалась упрощенной версией женского и мужского костюма соответственно. Также в XIX веке в учеб-

(1) Портрет инфанты Марии Анны Испанской с ее братом доном Карлосом. Бартоломе Гонсалес-и-Серрано. 1613 г. (2) Два мальчика. Иллюстрация из французского модного журнала. 1841 г. (3) Детский костюм. США, ок. 1838 г. (4) Детский «костюм-скелет» XVIII – первой половины XIX века. (5) «В классе». Жан-Поль Луи Мартен де Амуань. 1886 г. (6) Портрет Марии Терезы, принцессы Неаполитанской. Антон Рафаэль Менгс. 1773 г. (7) Портрет мисс Хоум с котенком. Приписывается Джону Хопнеру. Ок. 1795 г. (8) Портрет Уильяма Эллиса Гослинга. Уильям Бичи. 1800 г. (9) Портрет мальчика. Джон Синглтон Копли. Ок. 1758–1760 гг.

ных заведениях массово внедряется школьная форма (5), которая, как считается, впервые появилась в Англии в XVI столетии.

В конце XIX века в США и Европе возникла ориентированная на междисциплинарный подход наука о ребенке, педология, основателем которой считается американский психолог Гренилл Стэнли Холл. На рубеже XIX и XX столетий Зигмунд Фрейд, создавший теорию психоанализа, сформулировал концепцию, согласно которой первые пять лет – решающие в жизни, именно тогда формируется основа личности. Это дало мощный импульс для развития детской психологии как отдельного направления. Вероятно, с тех пор детство получило то повышенное внимание общества, которого, несомненно, заслуживает. 🌐